

УДК 7.032

ББК 85.1; 63.3(0)32

DOI:10.18688/aa155-1-1

Н. К. Жижина

Античность во времени и пространстве

Откровение античного мира и ценность его послания потомкам — в создании алгоритмов на все последующие времена. Смена алгоритмов — едва ли не самая сложная из задач, которые может ставить перед собой и отдельный человек, и общество в целом. Восприняв заданные классической античностью алгоритмы — мировоззренческие, поведенческие, этические, философские, организационные и политические, — Европа все время пыталась их преобразовать: усовершенствовать или хотя бы отредактировать «под изменяющуюся концепцию» (мироустройства, государства и пр.). Оказалось, что всякий раз ничего принципиально иного, лучше и точнее отвечавшего на запросы времени в меняющейся реальности найти не удавалось. Единственной значимой переменной в жизни европейцев, которая была противопоставлена античным алгоритмам, стал христианский монотеизм, однако и он не был чем-то принципиально новым — монотеистические взгляды существовали и задолго до христианства. Более того, тем, кто позднее пытался осмыслить феномен античности, постепенно становилось все яснее, что в художественном отношении мир христианского Средневековья, а тем более Ренессанс вырастают из языческой античности, именно в ее образных и пластических решениях находя выход своим собственным исканиям [8; 11]. «...Как бы ни складывались в дальнейшем исторические судьбы так называемой европейской цивилизации, на наших глазах все более теряющей свой европеизм, греческая культура все равно остается для нас тем идеальным прообразом настоящей старой Европы, каким она была для Шиллера, Гете и всего идущего следом за ними поколения гуманистов конца XVIII – первой половины XIX в.» [2, с. 260]. Сам же античный мир еще до воздвижения пьедестала, с которого он не сходит уже более двух тысяч лет, на своем пути претерпевал удивительные преобразования.

Одно из таких преобразований произошло на далекой окраине ойкумены — на северном берегу Понта и прилегающих к нему землях. Цивилизационный сдвиг, произошедший в Северном Причерноморье в результате Великой греческой колонизации, несмотря на общность явлений, присущих окраинным областям античного мира, затронутым колонизационными процессами, привел не столько к «редактированию» местного художественного творчества греческими наставниками, сколько к поразительному в своей неповторимости взаимодействию, казалось бы, несовместимых культур. В прослеживающейся в искусстве тенденции к упрощению и схематизации греческих форм в целом ряде случаев, думается, недостаточно видеть лишь адаптацию традиции, перенесенной в чуждую среду. Представляется, что «утрата варварскими культурами их изначального своеобразия» [1, с. 5] не служит и свидетельством

слова местных традиций культуртрегерским внедрением средиземноморской античной культуры в мир, привыкший мыслить и оперировать иными понятиями, нежели мир аттического или малоазийского грека, в мир принципиально иной образной системы. Скорее произошедшая в архаическое время в контактной зоне северопричерноморских земель встреча мира античного с миром варварским наполнила богатым содержанием тот тигль, в котором с греческим миропониманием сплавилось миропонимание пестрого по составу местного населения — кочевников и земледельцев, людей с интеллектуальным генетическим кодом, отличным от греческого. Эта встреча разных типов миропонимания и, следовательно, разных способов его отражения художественными средствами привела к тому, что сегодняшнему специалисту в области античного искусства и искусства евразийских варваров зачастую очень непросто понять, о ком спустя два, три, пять столетий после появления первых колоний надлежит вести речь — о подвергшихся сильнейшей эллинизации варварах или о греках, укоренившихся в причерноморских землях и принявших условия новой жизни во всех ее проявлениях. Ментальность греков и варварская ментальность, взаимно воздействуя друг на друга, образовали в конечном счете такое хитросплетение художественных тенденций, что мы сегодня, думается, вправе относиться к феномену греко-варварской культуры Северного Причерноморья как к явлению вполне уникальному в своей самобытности — при безусловном согласии с тем, что его фундаментальная основа, когда речь идет о собственно городской культуре, коренится в самом сердце античного Средиземноморья. Разумеется, античный мир в конкретных условиях развития городов-колоний привнес в жизнь местного населения то же, что он дал Европе в целом — выраженную, в том числе изобразительными средствами, идею гармоничного единства человека и остального мира. Однако взаимодействие не бывает односторонним, и мышление эллина, в том числе образное, видоизменялось под влиянием культуры варваров, мощной в своей содержательности и много более условной в средствах выразительности.

В недавно вышедшей книге, посвященной достижениям эллинов в античное время, Эдит Холл [7; 10] предприняла попытку анализа греческой ментальности и национального характера именно сквозь призму столкновения греческой самоидентификации с представлениями греков о тех народах Древнего мира, с которыми их сводили исторические судьбы. По ее убеждению, общества, с которыми взаимодействовали греки, — финикийцы, лидийцы, египтяне, обитатели средиземноморских колонизованных земель Италии, Испании и юга Франции, жители Переднего Востока — в значительной степени влияли не только на формирование их взглядов, не только делились с греками языком и ранее неизвестными им видами ремесел, но в процессе общения способствовали преобразованию собственно греческого нрава, влияли на умонастроение греков, с каждым следующим шагом навстречу все более их обогащая и фактически создавая то, что привело их к подлинному величию, породив впоследствии известный феномен «греческого чуда». Особенно Холл подчеркивает открытость греков всему новому и неведомому, что, по всей вероятности, и сыграло ключевую роль в их успешном взаимодействии с окружением, где бы они ни оказывались. От времен Гомера и до эпохи Александра греки стремились к познанию и обретали то, чего иные в своей замкнутости были лишены — свободу развития.

Совершенно естественно, что в отечественной науке вопрос о взаимодействии греков и варваров наиболее глубоко и подробно был разработан именно на материалах Северного Причерноморья, причем в первую очередь эта проблематика рассматривалась на материале археологическом. Полагаю, что в очерке, предваряющем раздел сборника, традиционно посвященный искусству Древнего мира, нет смысла предлагать читателю обзор существующей литературы по этому вопросу. Те историографические штрихи, которые возможны в отведенных рамках такого предисловия, лишь обозначили бы, сколь широк круг специалистов, занимавшихся разработкой этой проблематики, тем более что публикуемая здесь программная статья А. А. Трофимовой дает исчерпывающее представление о современном состоянии историографии в области искусствознания античности, в том числе касаясь и этого аспекта. Скорее стоит обратить внимание на то, что взгляды, развивавшиеся в науке на протяжении длительного времени, были взглядами наследников античной культуры. Обобщая, можно, пожалуй, утверждать, что ученые смотрели на минувшее глазами эллина. Начиная с 1960-х гг. в мировой науке широкое освещение получила проблематика, относящаяся к сфере взаимоотношений *своей* — *чужой* или просто *другой* [5]. В течение же последних полутора-двух десятилетий минувшего века историография по проблемам культур, по выражению Питера Стюарта, «альтернативных классической Греции», стала настолько обширна, что оформилась в своего рода доктрину, сделавшись почти общим местом [12]. Однако в обилии суждений не так много существует работ, где предлагается встать на точку зрения этого *другого*, как это делает Дэвид Кастриота, анализируя персидские изобразительные и письменные источники, являющие образ социума, диаметрально противоположного греческому [4]. Не требуется обширных дополнительных пояснений (достаточно вспомнить широко известную работу Марка Ферро о том, как рассказывают историю детям в разных странах [6]), чтобы понять: исходные авторские позиции играют определяющую роль не только в историографическом смысле и оценке событий минувшего, но и в самом процессе сложения взглядов целого народа в каждый отдельно взятый исторический период. Отвечая на вопрос о том, что же в дихотомии «эллин – варвар» в отсутствие аутентичного комментария может служить для наших современников маркером, позволяющим взглянуть на греческое начало другими глазами, нежели это делали сами греки, рискну предположить, что наиболее очевидным маркером следует признать устойчивый художественный тип, жизнь которого измеряется столетиями.

Само по себе понятие *художественный тип* много более расплывчато, нежели *иконография*, тем не менее и с ним соотносятся определенные критерии, позволяющие выделить его в особую категорию художественной конкретики. Первыми в их числе следует признать жизнеспособность и распространенность определенного композиционного решения, сочетающегося с чисто иконографическими элементами. Иконология и образные характеристики могут варьировать, не говоря уже о стилевых особенностях. Художественный тип, таким образом, можно определить как устойчиво повторяющуюся композиционную схему, удачно выработанную (как правило, крупным мастером) зримую формулу, сопряженную обычно с конкретным исходным образом, меняющуюся в масштабе, но сохраняющуюся в своих основных — легко узнавае-

мых — чертах на протяжении длительного времени и имеющую обширную географию распространения.

Одним из самых устойчивых художественных типов античного мира, без сомнения, была фигура восседающего на троне Зевса, изваянная великим Фидием для храма в Олимпии. Масштаб использования этой художественной схемы как в буквальном смысле, имея в виду размер изображения, так и в переносном — от священной статуи в храме до ходовой монеты — огромен. Невольно задаешься вопросом: не является ли подобная востребованность изобразительного решения всего лишь проявлением умелого политического маневра, выраженного художественными средствами? Однако если бы дело заключалось лишь в выборе пропагандистских средств, то, пожалуй, на вопрос о причинах популярности тех или иных изобразительных стереотипов давно был бы найден вполне определенный ответ. Долговременное (и замечу — полисемантическое) использование живописных и пластических схем в разные периоды и в разных формах, как, например, обращение к статуарному типу плакальщиц, восходящему к скульптурным произведениям классической Греции в боспорском погребальном декоре первых веков нашей эры [3], выходит далеко за рамки политической пропаганды и продолжает оставаться дискуссионным. Тем не менее свершенно очевидное восхождение к античному прототипу многих изобразительных решений в европейском искусстве послеантичного времени убеждает в том, что эллинский творческий гений, интуитивно или рационально, нашел ту живую струну человеческого существа, которая как будто всегда настроена на гармонию классической древности. Античный стереотип, таким образом, становится камертоном, не допускающим диссонанса, задавая тон для согласного звучания новых композиций.

В этом выпуске материалов конференции «*Актуальные проблемы теории и истории искусства*» статьи первого раздела занимают не только хронологически закономерное первое место, но делают его ключевым, отвечая ведущей теме конференции 2014 г. Название раздела — «*Классическая древность и мир вокруг Эллады*» — призвано сообщить читателю о том, что спектр затронутой проблематики касается не только искусства собственно греческого, того, что родилось в пределах античной ойкумены и было многообразно само по себе, но и воздействия художественного мира эллинов на современный им окружающий мир. Неизбежно материалы раздела касаются и восприятия произведений античного искусства следующими поколениями как художников, так и исследователей.

Глубинный анализ понятия *Аркадия*, имеющего античное происхождение и ставшего клишированным в Новое время, предстает в исследовании, посвященном зарождению и развитию представления об идеализированном месте сосредоточения всего лучшего и возвышенного на земле (Antonio Corso). Противопоставление величия Идеала драматизму пафосности и патетики показано на примере произведений паросских скульпторов, сопоставленных с достижениями других мастеров классической Греции (Dora Katsonopoulou). Выявление особенностей художественных практик в искусстве античного мира, таких как применение полихромной палитры, и взаимное

дополнение источников художественных и письменных — это не только искусствоведческие проблемы, решение которых напрямую связано с классической филологией, некогда возглавлявшей антиковедческую триаду (Е. А. Дружинина, Е. Л. Ермолаева). Интерпретация памятников искусства доисторической Европы, построенная на том же фундаменте привлечения к их анализу античных изобразительных и письменных источников, открывает путь для понимания многих образных схем в более широких границах искусства Древнего мира (И. В. Палагута). Вопросы трактовки и интерпретации изображений наряду с атрибуциями, сохраняющими статус наиболее сложных и тонких, требующих особой виртуозности в исследовательской работе (Д. С. Васько), по степени сложности для понимания современным человеком реалий прошлого неизменно возглавляют список проблем, не утрачивающих значимости в искусствоведческой науке. Анализ рельефов на монументальных памятниках первых столетий нашей эры — Мирмекийском саркофаге из Керчи и так называемом Троне Клавдия из Черветери дает основательный повод для осмысления статуарных типов и схем в конкретном художественном и смысловом контексте (Ю. А. Виноградов, Б. Д. Зашляпин). Исключительную значимость приобретают сегодня те работы, авторы которых чутко улавливают направление развития эстетических предпочтений, отраженных в произведениях искусства, подвергшихся реставрации. Преображенный новыми редакциями римский портрет из собрания Государственного Эрмитажа, получивший условное имя «Саллюстия» (А. А. Трофимова), или вызывающее вопросы исполнение мозаики с изображением волчицы и близнецов из Алдборо в северном Йоркшире (А. И. Ларионов) — исследуются авторами с применением всего спектра приемов искусствоведческого поиска, в котором метод аналогий и сопоставлений вновь выводит читателя на круги соприкосновения с художественным стереотипом и отклонением от него. Последнее обстоятельство имеет принципиальное значение для точной оценки подлинности произведения античного искусства и выявления ценных характеристик его исторических реставраций и поновлений. В этом отношении особую роль играют изыскания в области античной культуры и рецепции античности, присущие науке XIX в., — это время, особенное для постижения античного искусства и культуры в самом широком смысле. Обилие археологических находок в разных частях Европы и особенно на юге России в середине столетия, невероятная по масштабам увлеченность античным «художеством» стимулировала новации в сфере искусства эпохи историзма и распространение информации, обретавшей порой весьма изысканные формы. Издания Германского археологического института в Риме были в это время для почитателей античного искусства нитью Ариадны в лабиринте новых открытий, а сегодня материалы этих публикаций и собрания слепков с гемм из раскопок в Северном Причерноморье, хранящиеся в Эрмитаже, позволяют не только уточнить коллекционную историю дактилиотек, но и свидетельствуют о тесных музейных и личных контактах тех людей, чье научное творчество само по себе давно стало фактом истории искусства (Е. Н. Дмитриева).

Современное состояние науки об античном искусстве теснейшим образом сопряжено с применением новых форм изучения и сохранения памятников античной культуры. Масштабный междисциплинарный региональный и международ-

ный проект сохранения древних Стабий путем создания археологического парка на берегу Неаполитанского залива предстает как новая именно для античного города форма исследования и поддержки объекта всемирного значения (Th. N. Howe, P. Gardelli). В этом русле использования современных методик «обращения» с объектами культурного наследия немаловажное значение имеет опыт обработки вновь открытых археологических материалов. Фрагменты фресок стабианской виллы Ариадны из раскопок экспедиции Государственного Эрмитажа впервые анализируются практически полностью археологическим методом, предназначение которого — результативность в обработке массового материала (А. М. Бутягин). По смыслу такому подходу близок и метод геометрической морфометрии, примененный для анализа эволюции форм дорического фриза по статистически значимому числу фрагментов триглифов (В. П. Колосов). Такой опыт статистического анализа архитектурных деталей, в отличие от традиционного способа фиксации региональных и хронологических изменений в храмовой архитектуре, не вносит противоречий в наши представления об устойчивости и изменчивости художественных решений. Скорее благодаря большой дробности материалов самого исследования в руках специалистов окажется еще один инструмент для проведения точного эксперимента, в известном смысле сближающийся с методами технико-технологической экспертизы произведений искусства.

Подводя итог кратко резюме первого раздела сборника материалов конференции, воспользуюсь словами Дэвида Лёвентеля о том, что «прошлое — это всеобщая граница», там, в прошлом, мы все без исключения иностранцы, и вместе с тем — «прошлое повсюду» [9, р. XV], и именно в случае с античным прошлым мы не так уж безоружны и растеряны, если в способном сбить с толку ошеломляющем разнообразии окружающего мира выбираем ориентиром произведения античного искусства, своим постоянством ни разу не предавшего человека в его непростой художественной эволюции.

Литература

- Андреев Ю. В. Греки и варвары в Северном Причерноморье (Основные методологические и теоретические аспекты проблемы межэтнических контактов) // Вестник древней истории. 1996. № 1. — С. 3–17.
1. Андреев Ю. В. Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. — СПб.: Алетейя, 1998. — 401 с.
 2. Жижина Н. К. Четыре гипсовые аппликации I–II вв. из раскопок Нимфея в собрании Эрмитажа // Сообщения Государственного Эрмитажа. LXIII. — СПб.: Изд-во ГЭ, 2005. — С. 77–82.
 3. Castriota D. Justice, Kingship, and Imperialism: Rhetoric and Reality in Fifth-Century B.C. Representations Following the Persian Wars // Not The Classical Ideal: Athens and the Construction of the Other in Greek Art / B. Cohon (ed.). — Leiden — Boston — Cologne: Brill, 2000. — P. 444–480.
 4. Cohen B. (ed.). Not The Classical Ideal: Athens and the Construction of the Other in Greek Art. — Leiden — Boston — Cologne: Brill, 2000. — 559 p.
 5. Ferro M. Comment on raconte l'histoire aux enfants: a travers le monde entier. Payot, coll. Aux origines de notre temps. — Paris, 1981. — 316 p. (русск. пер. — Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира / Пер. с фр. Е. И. Лебедевой. — М.: Издательский дом «Высшая школа». 1992. — 351 с.)
 6. Hall E. Introducing the Ancient Greeks: From Bronze Age Seafarers to Navigators of the Western Mind. — W. W. Norton, 2014. — 336 p.

7. *Haskell Fr., Penny N.* Taste and the Antique: The Lure of Classical Sculpture 1500–1900. — New York: Yale University Press. 1981. — 376 p.
8. *Lowenthal D.* The Past is a Foreign Country. — Cambridge University Press, 2003 (11th edition; first published: CUP. 1985). — 489 p.
9. *Marchini L.* Review on: *Hall E.* Introducing the Ancient Greeks: From Bronze Age Seafarers to Navigators of the Western Mind. — WW Norton & Company, New York. 304 p. URL: http://www.minervamagazine.co.uk/book_review-2014-05_2.html (дата обращения: 21.10.2014).
10. *Stewart A.* Classical Greece and the Birth of Western Art. Textbook. — Cambridge Mass: Cambridge University Press, 2008. — 376 p.
11. *Stewart P.* Review on: Not The Classical Ideal: Athens and the Construction of the Other in Greek Art / B. Cohen — Bryn Mawr Classical Reviews. — Leiden; Boston; Cologne: Brill, 2000. URL: <http://bmcr.brynmawr.edu/2001/2001-01-08.html#t1> (дата обращения: 10.03.2015).

Название статьи. Античность во времени и пространстве.

Сведения об авторе. Жижина Надежда Константиновна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела античного мира. Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., 34, Санкт-Петербург, Российская Федерация. 191186. jijina@mail.ru

Аннотация. Текст представляет собой предисловие к разделу, посвященному искусству Древнего мира. Давая краткий обзор материалов раздела, автор поднимает вопрос о значении художественного стереотипа в античном искусстве, его роли в развитии синхронного ему искусства окраинных регионов ойкумены и воздействия на художественную жизнь послепантичного времени. Характеризуя проблематику статей, автор указывает на то, что практически во всех дискуссионных вопросах антиковедческой науки, затрагивающих произведения изобразительного искусства, так или иначе могут быть задействованы изобразительные схемы, выработанные в классической древности, применение которых мастерами разных эпох и регионов позволяет говорить о концептуальном художественном единстве европейского искусства, базирующемся на достижениях античного времени.

Ключевые слова: античное искусство; антиковедение; художественный стереотип; изобразительные схемы; греки и варвары; интерпретация произведений искусства.

Title. Classical Antiquity through Ages and Distance.

Author. Nadia C. Jijina — Ph. D., senior researcher, curator at the Department of Greek and Roman Antiquities. The State Hermitage Museum, Dvortsovaia nab., 34, 191186 St. Petersburg, Russian Federation. jijina@mail.ru

Abstract. This is an Introduction to the first section of the book that includes papers considering the art of Ancient world. Along with a brief review of the papers, the author puts up a problem of artistic stereotype in the art of Classical antiquity, and its significance for the development of the simultaneous provincial art of the Oikoumene's outskirts, as well as its influence upon art and figurative culture after Antiquity. While reviewing the publications of the section, the author accentuates the fact that actually all the problems discussed in Classical studies, when touching upon fine arts, appear to disclose figurative schemes elaborated in Classical antiquity. Being applied to artistic practice of various times and regions these programmatic finds of antique artists prove conceptual European artistic unity based upon Hellenic and Roman achievements to exist through ages.

Keywords: Classical antiquity; Classical studies; stereotype in art; figurative schemes; ancient Greeks and barbarians; artistic interpretation.

References

Andreiev Iu. V. Greeks and Barbarians in the North Pontic Area. Principal Methodological and Theoretical Aspects of the Problem of Inter-Ethnic Contacts. *Vestnik Drevnei Istorii (Bulletin of Ancient History)*, 1996, no. 1, pp. 3–17 (in Russian).

Andreiev Iu. V. *Tsena svobody i harmonii. Neskol'ko shtrikhov k portretu grecheskoi tsivilizatsii (The Rate of Freedom and Harmony. Several Traits to the Portrait of Greek Civilization)*. Saint Petersburg, Aleteia Publ., 1998. 401 p. (in Russian).

Castriota D. Justice, Kingship, and Imperialism: Rhetoric and Reality in Fifth-Century B.C. Representations Following the Persian Wars. *Not the Classical Ideal: Athens and the Construction of the Other in Greek Art*. Leiden — Boston — Cologne, Brill Publ., 2000, pp. 444–480.

Cohen B. (ed.). *Not The Classical Ideal: Athens and the Construction of the Other in Greek Art*. Leiden—Boston—Cologne, Brill Publ., 2000. 559 p.

Ferro M. *Comment on raconte l'histoire aux enfants: a travers le monde entier*. Coll. *Aux origines de notre temps*. Paris, Payot Publ., 1981. 316 p. (in French).

Hall E. *Introducing the Ancient Greeks: From Bronze Age Seafarers to Navigators of the Western Mind*. New York, W. W. Norton & Company Publ., 2014. 336 p.

Haskell Fr., Penny N. *Taste and the Antique: The Lure of Classical Sculpture 1500–1900*. New York, Yale University Press Publ., 1981. 376 p.

Jijina Nadia C. Four Plaster-Cast Appliqués of the CE 1st–2nd Centuries Originating from the Excavations at Nymphaion Held by the Hermitage. *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha (Reports of the State Hermitage Museum)*, vol. LXIII. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 2005, pp. 77–82. (in Russian).

Lowenthal D. *The Past is a Foreign Country*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2003. 489 p.

Marchini L. Review on: Hall E. *Introducing the Ancient Greeks: From Bronze Age Seafarers to Navigators of the Western Mind*. *Minerva Magazine*, May 2014. Available at: http://www.minervamagazine.co.uk/book_review-2014-05_2.html (Accessed October 21, 2014).

Stewart A. *Classical Greece and the Birth of Western Art. Textbook*. Cambridge MA, Cambridge University Press Publ., 2008. 376 p.

Stewart P. Review on: *Not The Classical Ideal: Athens and the Construction of the Other in Greek Art*. *Bryn Mawr Classical Reviews*. Leiden—Boston—Cologne, Brill, 2000. Available at: <http://bmcr.brynmawr.edu/2001/2001-01-08.html#t1> (Accessed March 10, 2015).